

Philosophy of O. F. Bollnow: it's Social, Ethic and Existential Aspects

O. M. Lomako

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of ethical and existential grounds of a man's social being through the philosophy of O. F. Bollnow. Actually his philosophy can be considered as the positive existentialism and thus it focuses on positive perception of society and history in their human dimension. The basic concept of the philosophy of Bollnow is «humanity». What is meant is the struggling through sense of danger, fear and vulnerability in risky environment of the modern civilization. To overcome all mentioned, «new defence» should be created, being uncovered by the following notions: «motherland», «hope», «gratefulness», «and festival». Social «chronotope» comes into existence in the identity of social environment and social time in their human (ethical and existential) understanding.

Key words: social philosophy, ethic, Bollnow, positive existentialism, humanity, civilization, risky society, motherland, hope, gratefulness, social «chronotope».

References

1. Bollnow O. F. *Die Forderung der Menschlichkeit* (The Demand of the Humanity). Tuebingen, 1961. 24 p.
2. Heidegger M. *Platon: Sophistes* (Plato: Sophist). Frankfurt/M., 1992. 667 p.
3. Veauthier F. W. Zeitkritik als Metaphysikkritik (Critics of time as critics of metaphysics). *Martin Heidegger. Denker der Post-Metaphysik*. Martin Heidegger. Thinker of the Post-metaphysics). Heidelberg, 1992, pp. 9–47.
4. Bollnow O. F. *Mensch und Raum* (Man and Space). Stuttgart, 1963. 310 p.
5. Bollnow O. F. *Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus* (New Security. The Problem of Overcoming of Existentialism). Stuttgart ; Cologne, 1960. 247 p.
6. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Being and Time). Tuebingen, 1993. 445 p.

УДК 140.8

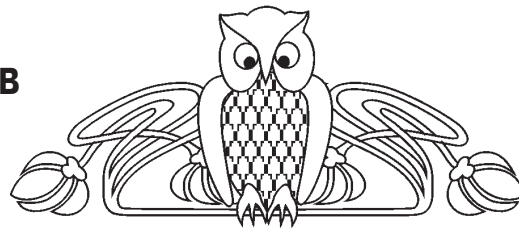
ДИНАМИКА ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ И КИТАЯ: ПРОБЛЕМА АЛГОРИТМОВ

В. П. Рожков

Рожков Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме алгоритмов мироосмысления философского сознания в России и Китае. Доказательство правомерности категориально-алгоритмического описания динамики миропознания автор основывает, обращаясь к аналогии аналитической процедуры проведения алгоритмизации уровней абстрагирования в языке математических символов и философских универсалий. Исходя из этого, он выводит категориальные алгоритмы, проявляющиеся в онтологических обращениях русской религиозной философии и даосизма в китайской традиционной философии. Это позволяет провести категориально-алгоритмическое сравнение различающихся исторических типов мировоззрения изучаемых культур. Источником этих различий, как показывается в статье, является антиномия религиозного и философского мировоззрений русской религиозной философии, с одной стороны, и конфуцианства, даосизма и буддизма – с другой. В результате обозначается интересное направление разработки категориально обоснованной и методологически выдержанной концепции ментальных мировоззренческих различий философского сознания в России и Китае.

Ключевые слова: философия, религия, сознание, онтология, алгоритм, Россия, Китай, даосизм, антиномии, нумерология, творение, порождение, превращение, саморазвертывание.

Исследование обозначенной темы требует предварительного изъяснения относительно двух, отражающих специфику изыскательного интереса, понятий: «философское сознание» и «алгоритм». Что касается первого, то в этом случае предлагается исходить из авторской точки зрения на базовую категорию «сознание», заявлявшейся ранее [1, с. 4–5]. С целью уточнения можно предложить следующее определение: сознание – психоэнергетический поток перцептивно-когнитивной информации, вырабатываемой нейросистемой человека и трансформирующейся в образы, символы, знаки, понятия, дифференцируемые и интегрируемые в процессе чувственно-образного, образно-символического и абстрактно-логического мышления. Категория «философское сознание» в таком случае служит методологической конкретизацией уровня трансформации нейро-психической энергии, указывая на то, что преобразование перцепции «Я ↔ Мир»

в мировоззрение будет происходить на основе философского мироосмысления.

С учетом уточнения методологической установки, раскрытой выше, необходимо прояснить и особенность использования категории «алгоритм», тем более что обычно этот термин выражает одно из основных математических понятий, абстрагируемых непосредственно из опыта, а значит, не обладающих формальным определением. Думается, что алгоритмическое описание процессов на языке математических символов может служить аналогом подобного описания на категориальном языке философии. Обоснование такой аналогии видится в самой аналитической процедуре проведения алгоритмизации, в соответствии с которой процесс должен расчленяться на элементарные, последовательно взаимосвязанные акты. Соотношения, описывающие эти элементарные акты и их взаимосвязи, объединяются в систему и представляются в виде алгоритма. Уместно предположить, что если такого рода алгоритмическое описание возможно на уровне абстрагирования в языке математических символов, то оно достижимо и на уровне абстрагирования в языке философских универсалий.

Исходя из этого заключения, обратимся к проблеме алгоритмов философского сознания России и Китая. Предыдущее исследование традиций и особенностей философского процесса в культурах рассматриваемых стран способствовало обнаружению историко-типологических различий в мировоззренческом выборе предков в истоках русско-российской и китайской цивилизаций. Эпицентр этих различий проявляется в антиномии религиозного и философского мировоззрений русской религиозной философии, с одной стороны, и конфуцианства, даосизма и буддизма – с другой [2, с. 7]. Последнее, естественно, отразилось в специфике как исторической, так и современной динамики философского сознания России и Китая [2, с. 16–22]. Если попытаться алгоритмически описать эти процессы, то следует начать с традиции, которая в русском философском сознании связывается, прежде всего, с религиозной философией В. С. Соловьева [3, с. 21]. Основу мировоззрения в созданной им первой системе русской религиозной философии, как известно, представляет метафизика всеединства, с характерной апелляцией к сверхприродной области божественного сущего как «безусловного начала» или «безусловного единства». Кроме того, решая задачу выведения смыслового алго-

ритма русского религиозно-философского мироосмысления в варианте метафизики всеединства В. С. Соловьева, необходимо учитывать еще одну общепризнанную универсальную отличительную характеристику русской религиозно-философской мысли, отчетливо просматривающуюся в его концептуальном метафизическом построении. Речь идет о панэтизме, проявляющемся в абсолютизации нравственных ценностей Любви и Добра в Боге. Выявление онтологического обращения к первосущему с одновременной онтологической этизацией позволяет предположить выведение сложного алгоритма мироосмысления, отличающегося от алгоритма миропонимания, выражающего онтологическую апелляцию к бытию, естественную для «со-знания», трансформирующего перцепцию «Я ↔ Мир».

Исходя из этого предположения, обратимся к реконструкции метафизической концепции В. С. Соловьева. Предварительно необходимо отметить, что свое онтологическое обращение к первосущему – Богу – мыслитель воплощает в сложной, насыщенной в смысловом отношении и этически скоррелированной онтологической вариации. В ее основе обозначается категориальная взаимосвязь: сущее – сущность – бытие, дополняясь мотивом единства. «... Бог есть все, – рассуждает он, – то есть, что все в положительном смысле или единство всех составляет собственное содержание, предмет или объективную сущность Бога» [4, с. 109].

Выявленную взаимосвязь можно выразить в следующем метафизическом тождестве: *Бог > абсолютное сущее → безусловно единое*. Затем в метафизический ряд вводится ещё один элемент – идея. Под идеями русский философ подразумевает «особенные формы метафизических существ, присущие им самим по себе...» [4, с. 91]. В результате категориальную взаимосвязь возможно представить в смысловом выражении: *Бог > абсолютно сущее ↔ безусловно единое ↔ идеальное существо*.

Но для метафизической системы необходима связь или отношение элементов, а значит нужна системно-образующая категория, отражающая «существенное отношение». Самой общей и широкой идеей, «внутренно» покрывающей «собой все остальные», в представлении русского мыслителя могла быть лишь любовь [4, с. 84–85]. В итоге проявляется сложный алгоритм религиозно-философского миропредставления, который может быть выражен формулой:

$$\text{Бог} > \frac{\text{абсолютно сущее} \leftrightarrow \text{объективная сущность} \leftrightarrow \text{безусловно единое} \leftrightarrow \text{абсолютная идея}}{\text{безусловная любовь}}$$

Вполне понятно, что выведение онтологических смыслов сущего в подобном алгоритме вызывает необходимость переориентации «со-знания» с перцептивно-когнитивной информации в двучленной линейной системе «Я ↔ Мир» на

интуитивно-рефлексивное постижение в сложной трехчленной системе:

$$\frac{\text{Я} \leftrightarrow \text{Мир}}{\text{Бог}}$$

В такой системе мировосприятия Бог открывается как первооснование, сущее, обосновывающее и меня в моем сотворенном «Я», и «Мир», сотворенный как и «Я». Бог как абсолютное единство, сотворив и человека в его человеческом, личностном «Я», и «Мир», обосновывает их единство.

Если попытаться провести подобное алгоритмическое описание динамики философского сознания Китая в исторических параметрах его основных традиций, то, наверное, целесообразно обратиться к даосизму, в котором наиболее акцентированы онтологические характеристики Дао – ключевого понятия в мировоззренческом основании всей традиционной китайской культуры.

Именно при таком подходе отчетливо выделяется апелляция даосизма к онтологическим параметрам, космологическому смыслу Дао. Показательно, что в предлагаемом А. И. Кобзевым «Синоптическом списке основных понятий и категорий традиционной китайской философии и культуры» в разделе «Онтология» обозначены такие смыслы Дао, как: путь, закономерность, теория, логос, метод [5, с. 236].

Приведенные замечания отражают и еще один важнейший аспект категории Дао – методологический. Этимологическая интерпретация последнего, как представляется, весьма убедительно проводится С. Ю. Рыковым. В самом деле, если метод определять как инструмент или, образно выражаясь, «технологический путь» исследования, то методологическая роль категории Дао становится очевидной. Достаточно ссылки на то, что в переводе с греческого метод (μεθoδoς) означает «путь следования», а один из генерирующих смыслов Дао, как известно, составляет «путь» [6, с. 138–139].

Обращение к методологической функции Дао в ходе решения задачи категориально-алгоритмического описания миропонимания традиционного китайского философского сознания, естественно, выводит на проблему особенностей китайской методологии и рациональности в целом. Так, по мнению С. Ю. Рыкова, если «вслед за некоторыми современными синологами принять, что искомая методология помимо философии и науки была общей еще и для китайской мифологии, религии, искусства и т.д., т.е. для всего культурообразующего ядра этого народа, то можно сказать, что проблема методологии китайской классической философии ныне призвана не только внести ясность ratio в китайскую традиционную философию и науку, но и найти Дао – Путь всей традиционной китайской культуры» [6, с. 123].

Поиски в этом направлении, как достаточно развернуто и последовательно показывает автор изложенного выше заключения, привели к выявлению «особого метода», обозначенного как «нумерология», или «коррелятивное мышление»,

или «универсальный классификационизм», или «алгоритмический стиль мышления» и т.п. Дискуссия, развернувшаяся среди зарубежных и отечественных китаеведов, до сих пор не окончена [6, с. 125–138]. Однако в ходе споров и обсуждений выявились те особенности «алгоритмического стиля мышления», которые, как думается, необходимо учитывать при построении категориального алгоритма мироосмысления китайской традиционной философии.

Непосредственный интерес в этом отношении представляет, к примеру, конструктивистски разработанная А. А. Крушинским тема двух видов обобщений в древнекитайской логике: «обобщения-сокращения» – юэ и «обобщения-приведения» – тун. Первый предполагает такой тип дедуктивных умозаключений, как «рассуждение на основании образца». Второй ориентирует на довольно часто применяемый в парадигме рациональной философии «переход от одних истинных оснований к другим (со своей спецификой)» [7, с. 20].

С точки зрения С. Ю. Рыкова, в этом случае видение автором сущности обобщений концентрируется на взятой у А. И. Кобзева, но конструктивистски воспринимаемой «репрезентативной абстракции» с математико-логической трактовкой выбора репрезентирующего элемента [6, с. 133]. Следует обратить внимание, что при этом «обобщение-сокращение» интерпретируется как «задание объема понятий в виде алгоритмически конструируемой потенциально бесконечной последовательности объектов, входящих в объем этого понятия», когда репрезентант, образец (в качестве исходного единичного объекта) дополняется алгоритмом порождения по этому образцу новых объектов в «бесконечной последовательности» [7, с. 18, 88]. Напомним отмечающееся синологами уподобление Дао в древней китайской философии образцу [6, с. 138–139].

На выявленных основаниях можно приступить к построению категориального алгоритма мироосмысления китайской традиционной философии. Логика проведенного исследования обуславливает целесообразность начала алгоритмического описания с ключевой категории Дао, с выделения его качественных характеристик, определяющих конфигурацию алгоритмического конструирования. Думается, что, решая эту задачу, следует, во-первых, обратить внимание на то, что Дао не декларируется как творящее божественное первоначало – Бог русского религиозно-философского мировоззрения и христианского миропредставления в целом. «Китайская культура, – пишет А. Г. Юркевич, – не знает разграничения Творца и твари, соответственно, и разграничения трансцендентной Божественной жизни и жизни тварного мира. Через саморазвертывание Дао его трансцендентное бытие переходит в жизнь

(«порождающие порождения») феноменального мира, присутствия в «небесном аспекте явленного универсума» [8, с. 120].

Отсюда, во-вторых, в китайской философии креативные идеи отражаются терминологически не в «творении», а в «порождении» или «превращении». Это ясно просматривается в трактовке Дао в известном даосском литературном источнике «Дао дэ Цзин»: «Преобразования невидимого [Дао] бесконечны. [Дао] – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо» [9, с. 15].

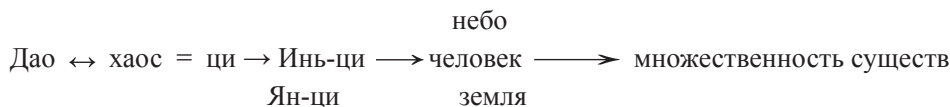
Эти терминологическо-смысловые особенности весьма емко обобщены А. Г. Юркевичем. «В христианской теологии, – отмечает он, – феномен жизни определяется не только и не главным образом через «порождение». Личное бытие живого Бога – Божественную жизнь – отличает творческое созидание <...> В китайских философских и религиозных построениях креативные идеи представлены косвенно и не связаны с личным бытием Бога и человека: «созидательные превращения» (цзао хуа) – один из синонимов «порождающих порождений», подчеркивающий факт возникновения качественно новых вещей и явлений в ходе этого процесса» [8, с. 120].

И в-третьих, необходимо акцентировать внимание на качественной характеристике даосизмом Дао как образца, помогающего познать все вещи: «Дао бестелесно. Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образцы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности о неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью. С древних времен до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей» [9, с. 26].

Выделенные качественные характеристики Дао ориентируют на вполне определенную конфигурацию категориального алгоритма мироосмысления традиционного китайского философского сознания. К ключевым терминологическим обозначениям, обосновывающим искомую конфигу-

рацию, как представляется, могут быть отнесены: «образец», «саморазвертывание», «порождение», «превращение», «нескончаемая нить», «бесконечная последовательность». Можно предположить, что выделенные терминологическо-смысловые обозначения ориентируют на линейную или линейно-лучевую конфигурацию категориального алгоритма. В самом деле, Дао представляет собой не обосновывающее тварное бытие абсолютное, Божественное, свободно творящее первоначало, сущее, а саморазвертывающийся «единотелесный универсум», «образец», «исходный единичный объект», который может стать исходным категориальным обозначением в «бесконечной последовательности» категориально обозначенных объектов, «модусов», субстанциально подобных друг другу и порождающему их «исходному единичному объекту».

Формула развертывания выведена в «Книге о Пути и Добродетели»: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию» [9, с. 43]. Переведший на русский язык «Дао дэ Цзин» Ян Хин-шун в своем комментарии к книге так расшифровывает эту формулу: «Одно, по нашему мнению, означает хаос, состоящий из мельчайших частиц ци, как первоначальной формы существования Дао. Два – это легкие и тяжелые ци, из которых возникли три – небо, земля и человек» [10, с. 327]. К этому следует добавить, что диалектическая пара инь и ян, выражая биполярность универсума, не нарушают субстанционального подобия бесконечной последовательности «объектов», «вещей», «существ» рождающему их Дао в силу того, что «субстрат» – ци – наполняет и «одно» (хаос – нерасчлененный универсум), и биполярный универсум «двух», «трех» и всех «существ». Правомерным в этом отношении представляется утверждение А. Г. Юркевича о выраженной понятием Юань ци «изначальная пневма» субстратности нерасчлененного, хаотического (хунь) единства и субстратности всех явлений биполярного универсума, которая объясняется им субстантивированностью в «пневмах» инь и ян [8, с. 116]. Основываясь на всем вышеизложенном, можно предложить следующую категориально-алгоритмическую конструкцию:

Разумеется, выведенное категориальное построение схематично. С учетом особенностей форм проявления рациональности в китайской классической философии его следует рассматривать лишь как один из возможных вариантов категориально-алгоритмического выражения

миропредставления китайского философского сознания. Однако несмотря на отмеченные допущения, думается, что оно дает возможность, во-первых, провести категориально-алгоритмическое сравнение типов мировидения в традициях русской и китайской философских

культур, а во-вторых, создать категориально обоснованную и, отсюда, методологически выдержанную концепцию ментальных мировоззренческих различий религиозно-философского и философско-религиозного сознания России и Китая.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» № 12-33-09003 а).

Список литературы

1. Рожков В. П. Альтернативы мировоззренческого выбора. Опыт осмысления философского процесса в России. Саратов, 2012. 176 с.
2. Рожков В. П. Традиции и особенности современного философского процесса в России и Китае // Традиции России и Китая в глобализирующемся мире (опыт анализа культурно-философского процесса). Саратов, 2012. С. 5–24.

3. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 5–26.
4. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб., 1994. С. 32–202.
5. Кобзев А. И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 220–243.
6. Рыков С. Ю. Проблема методологических оснований китайской классической философии в современной синологии // История философии. 2009. № 14. С. 123–142.
7. Крушинский А. А. Логика древнего Китая : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2006. 316 с.
8. Юркевич А. Г. Жизнь как ценность в китайской классической философии и культуре // Жизнь как ценность. М., 2000. С. 112–120.
9. Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Добродетели. М., 2011. 384 с.
10. Ян Хин-цун. Комментарии // Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Добродетели. М., 2011. С. 326–328.

Dynamics of Philosophical Consciousness of Russia and China: Problem of Algorithms

V. P. Rozhkov

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

The article is dedicated to a problem of algorithms of world-learning and understanding of philosophical consciousness in Russia and China. The author bases a proof of legitimacy of categorical and algorithmic description of world-learning dynamics and refers to analogy of analytical procedure of conducting of algorithmization of levels of abstraction through language of mathematical symbols and philosophical universals. Based on it, the author deduces categorical algorithms which appear in ontological references of Russian religious philosophy and in the Chinese traditional philosophy, Taoism. It allows conducting categorical and algorithmic comparison of differing historical types of world outlook for studied cultures. As shows in the article, a source of these distinctions is, on the one hand, antinomy of religious and philosophical outlooks of Russian religious philosophy, and, on the other hand, of Confucianism, Taoism and Buddhism. As a result, author indicates the interesting direction of development of categorically relevant and methodologically sustained concept of mental world outlook distinctions of philosophical consciousness in Russia and China.

Key words: philosophy, religion, consciousness, ontology, algorithm, Russia, China, Taoism, antinomy, numerology, creation, generation, transformation, self-expansion.

References

1. Rozhkov V. P. *Alternativy mirovozzrencheskogo vybora. Opyt osmysleniya filosofskogo protsesssa v Rossii (Alternatives of the ideological choice. Experience in understanding the philosophical process in Russia)*. Saratov, 2012. 176 p.
2. Rozhkov V. P. Traditsii i osobennosti sovremennogo filosofskogo protsesssa v Rossii i Kitaye (Traditions and characteristics of modern philosophical process in Russia and China). *Traditsii Rossii i Kitaya v globaliziruyushchetsya mire (Traditions of Russia and China in the globalizing world)*. Saratov, 2012, pp. 5–24.
3. Berdiaev N. Philosophical verity and intelligentsia truth. *Signposts: a collection of articles on the Russian intelligentsia*. Irvine, CA, 1986, pp. 1–16. (Russ. ed.: Berdiaev N. A. *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda. Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii* {Milestones:

a collection of articles on the Russian intelligentsia}. Moscow, 1990, pp. 5–26).

4. Solovyev V. S. Chteniya o bogochelovechestve (Readings on God-manhood). Solovyev V. S. *Chteniya o Bogochelovechestve. Statyi. Stikhotvoreniya i poemy. Iz «Trekh razgovorov» (Readings on Godmanhood. Article. The poems. Of the «Three conversations»)*. St. Petersburg, 1994, pp. 32–202.
5. Kobzev A. I. Kategorii i osnovnyye ponyatiya kitayskoy filosofii i kultury (Categories and concepts of Chinese philosophy and culture). *Universalii vostochnykh kultur (Universals of Eastern cultures)*. Moscow, 2001, pp. 220–243.
6. Rykov S. Yu. Problema metodologicheskikh osnovaniy kitayskoy klassicheskoy filosofii v sovremennoy sinologii (The problem of methodological foundations of ancient Chinese philosophy in modern sinology). *Istoriya filosofii (History of Philosophy)*. 2009, no. 14, pp. 123–142.
7. Krushinskiy A. A. *Logika drevnego Kitaya (The logic of*

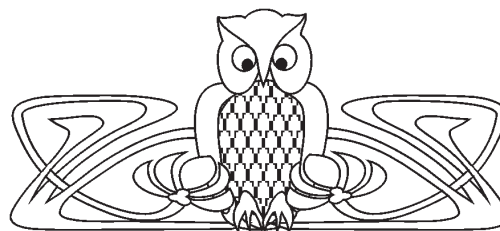
- ancient China): diss. ... dokt. filos. nauk (Dr. philos. sci. diss.). Moscow, 2006, 316 p.
8. Yurkevich A. G. Zhizn kak tsennost v kitayskoy klasicheskoy filosofii i kulture (Life as a value in classical Chinese philosophy and culture). *Zhizn kak tsennost (Life as a value)*. Moscow, 2000, pp. 112–120.
  9. *Tao Te Ching: the book of meaning and life*. L.; N.Y., 1990, 144 p. (Russ. ed.: *Dao de Tszin. Kniga o puti i dobrodeteli*. Moscow, 2011. 384 p.).
  10. Yan Hin-shun. Kommentarii (The Comments). *Dao de Tszin. Kniga o puti i dobrodeteli (The Book of the Way and Virtue)*. Moscow, 2011, pp. 326–328.

УДК: 1(470) (091)

ИМЯ И ЧИСЛО В РУССКОЙ И В КИТАЙСКОЙ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В. А. Фриауф

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

Онтологический статус имени и числа в русской и в китайской философии – предмет статьи. Русская философия имени и китайская школа мин-цзя сопоставляются в компаративистском анализе. Согласно ономотологии Павла Флоренского имя и число – два разных онтологических принципа устройства бытия: число – исток внешнего, объектного бытия вещей; имя – исток внутреннего, личностного бытия. Число продуцирует время и пространство; имя есть ядро личности, продуцирует стихийность и долг. Флоренский предлагает понятие первоисточного имени как архетипа имён собственных. Хрия – это энергичная ось организма имени. У мудрецов мин-цзя слово «мин» (имя) сочетается со словом «хао» (название). Сино-тибетская группа языков под именем понимает не знание и не память, а способность мудреца выражать мысли Неба. Алексей Лосев дополняет идеи Флоренского: имя есть предел самооткровения вещи. Лосев также создаёт оригинальную философию числа: число – это априорная смысловая форма, форма смыслового полагания. Китайская нумерология дополняет школу мин-цзя. Книга Перемен – И Цзин – сочетает в себе тайну имени и тайну числа в традиции Дао.

Ключевые слова: имя, знание, число, смысловая форма, философия имени, философия числа, И Цзин, нумерология, мин-цзя.

Целью настоящей статьи является компаративистский анализ и философский комментарий к определению статуса и роли имени и числа в русской и в китайской мыслительных традициях. Репрезентативным предметом предстоящего анализа со стороны русской традиции автор избирает знаменитую (хотя до сих пор плохо понятую) русскую философию Имени – как она концептуально разработана, прежде всего, в трудах Павла Флоренского, Алексея Лосева и Сергея Булгакова. Что касается философии числа, то гениальные наброски к ней осуществлены Флоренским в его ономотологии, а у Лосева, русского философа «имени, числа и мифа», мы находим вполне системно разработанную философию числа.

Со стороны китайской мыслительной традиции автор привлекает к сравнительному анализу

школу синмин-цзя (школа [изучения] телесных форм и имён). В свою очередь, данная школа представлена в трудах великих китайских мудрецов, каждый из которых внёс свой вклад в идейное наследие этой школы. Сюда, например, следует отнести учение Конфуция об «исправлении имён» (чжэ мин), труды представителей школы Дао, разработки моистов и методологические разработки легизма. Самым известным примером соотношения принципов имени и числа в китайской мыслительной традиции является знаменитая Книга Перемен (И Цзин), которую некоторые синологи относят только к традициям китайской нумерологии, не усматривая связи И Цзин с традицией мин-цзя. Лично мне такая позиция представляется не вполне корректной, что я и собираюсь показать в своей статье.

Начнём сравнительный анализ с идеи «русского Леонардо» – Павла Флоренского. В контексте исследования нас интересуют, прежде всего, размышления великого русского мыслителя о сущности, т.е. об онтологическом статусе имени и числа, а также те следствия из идей Флоренского, которые легли в основу русской философии имени и философии числа.

«Имя, – пишет Павел Флоренский в статье «Имена», – есть форма внутренней организации. Ей соответствует число как форма организации внешней. Иначе говоря, инварианту субъективности противостоит инвариант объективности. И ещё: имя – инвариант личностный, а число – вещный» [1, с. 507]. Каждое из познавательных начал, развивает свои тезисы Флоренский, в свой черёд порождает из себя пары, члены которых попарно относятся между собою так же, как самые начала друг к другу. Далее русский мыслитель уточняет статус и функции имени и числа. Что касается их статуса, то Флоренский определяет его как онтологические принципы, или начала